

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017124-9

Mutando mutanda: Заметки об аномалиях

© 2021 г. В. Б. Крысько

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий отделом древнерусского языка
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
vbkrysko@yandex.ru

Резюме. В статье анализируются некоторые примеры из памятников ранней славянской письменности (древнерусских и древнеболгарских), которые в научной литературе рассматриваются как уникальные исключения либо ранние инновации: редупликация местоимения *тѣ* и звательная форма в роли подлежащего в Повести временных лет, употребление глагола *течи* (*тещи*) в каузативном значении, использование винительного момента в древнейшей болгарской надписи, форма именительного падежа множественного числа существительного *убиица* по **o*-склонению в древнерусской надписи XII в. Обращение к более широкому кругу источников и к письменной традиции текстов показывает, что предполагаемые аномальные формы либо представляют собой регулярные образования, либо демонстрируют искажение текста.

Ключевые слова: древнерусский язык, древнеболгарский язык, Повесть временных лет, эпиграфика, письменная традиция, архаизмы и инновации.

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта № 17-29-09015 офи_m, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований.

Для цитирования: Крысько В.Б. Mutando mutanda: Заметки об аномалиях // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 5–20. DOI: 10.31857/S241377150017124-9

Mutando mutanda: Notes on Anomalies

© 2021 Vadim B. Krysko

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Head of the Department of Old Russian
at the V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
vbkrysko@yandex.ru

Abstract. The article analyzes some examples of ancient Slavic (Old Russian and Old Bulgarian) writing which in the scholarly literature are considered as unique exceptions or early innovations: the reduplication of pronoun *tъ* and the vocative form of the subject in the Tale of Bygone Years, the use of the verb *techi* (*teshchi*) 'run' in a causative meaning, the use of the accusative of time in an Old Bulgarian inscription, the **o*-stem nominative plural form of the **ā*-stem noun *ubiitsa* in an Old Russian inscription of the 12th century. Attention to a wider range of sources and to the written tradition to which these texts belong reveals that the alleged anomalous forms either represent regular formations or demonstrate a distortion of the text.

Key words: Old Russian language, Old Bulgarian language, The Tale of Bygone years, epigraphy, written tradition, archaisms and innovations.

Acknowledgments: This study was funded by the RFBR, project No. 17-29-09015 офи_m.

For citation: Krysko, V.B. *Mutando mutanda: Zametki ob anomalijah* [Mutando mutanda: Notes on Anomalies]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 5–20. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017124-9

Most of the ghosts aren't ghosts, and the few that
may be won't do you any harm.
*Gilbert K. Chesterton. The Man With Two Beards*¹

I

В Повести временных лет (ПВЛ) под 6595 (1086/1087) г. описывается убийство владими-ро-волынского князя Ярополка Изяславича, ср. текст по древнейшему списку – Лаврентьевскому (Л, 1377 г.)² с некоторыми разночтениями по более поздним спискам той же редакции – Радзивилловскому (Р) и Академическому (А) конца XV в. – и представляющим другую редакцию Ипатьевскому (И, около 1425 г.)³ и Хлебниковскому (Х, XVI в.)⁴:

ярополкъ же сѣде володимери. и пересѣдев мало дѣи. иде звенигороду. и не дошедшу ъму града. и прободень бы(с) ѿ проклатаго нерадѣца. ѿ дѣвола наоученья. и ѿ злыхъ члѣвкъ. Лежащю 'и ту' [РА ем8] на возѣ саблюю с кона прободе и. м(с)ца. ноамбра. въ 'кѣ' дѣнь. И тогда въздвигнувьса ярополкъ. выторгну изъ себе саблю. и возпи великы(м) гл(с)мь шхъ тот [РА тотъ] ма враже [ИХ вороже] оулови [РАИХ погоуби]. (Л, 69а–б) [3, стб. 206].

Не вдаваясь в детали этой трагической истории⁵, ограничимся анализом последних слов умирающего князя. В большинстве исторических, литературоведческих и даже лингвистических работ, где текст ПВЛ печатается по упрощенной орфографии и с введением современной пунктуации, реплика Ярополка обычно выглядит так: “Охъ, тот мя враже улови” [5, с. 88]; [1] либо “Охъ, тот мя вороже погуби” [6, с. 242];

¹ “Большинство привидений – вовсе и не привидения, а те немногие, которые, возможно, и подлинны, совершенно безобидны” (Г.К. Честертон. Человек о двух бородах, пер. Е. Фрадкиной).

² Рукопись РНБ, Ф.п.IV.2, цитируется по цифровой фотокопии [1].

³ Рукопись БАН, 16.4.4, цитируется по цифровой фотокопии, сделанной И.М. Ладыженским для СДРЯ.

⁴ Варианты РАХ здесь и далее приводятся по [2]. Выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках. Комментарии помещаются в квадратные скобки, реконструируемые буквы – в угловые скобки, нечитаемые буквы и фрагменты слов обозначаются многоточием в угловых скобках. Два и более слов, к которым приводятся разночтения, выделяются знаком [†].

⁵ Убедительная, на наш взгляд, реконструкция исторических обстоятельств преступления предложена в [4, с. 59–66].

[7, с. 19] – и переводится на современный русский язык следующим образом: “Ох, поймал меня враг тот” [5, с. 226], “Ох, погубил меня враг тот” [6, с. 243], “Ох, уловил меня этот враг!” [8, с. 203], “Ох, настиг меня этот враг!” [1]. Тем самым имплицитно предполагается, что *враже* / *вороже* (по формальным признакам бесспорный вокатив) – это форма подлежащего, т.е. имен. падеж, а *тот* – указательное местоимение, согласованное с *враже* / *вороже*. Вполне эксплицитно *тот(б)* было ассоциировано с местоимением *тъ* в работе Н.П. Некрасова [9, с. 141] – и эта трактовка повторяется в Национальном корпусе русского языка [10]. Употребление звательной формы (“кличного відмінка”) “у функції підмета” (подлежащего) на примере данного (единственного) контекста постулируется для древнерусского языка в академической “Истории украинского языка” [11, с. 33]⁶ (см. также [18, с. 50]); эта интерпретация опирается на богатый материал украинского фольклора, приведенный еще А.А. Потебней, типа “Сизеньки голубчику Та сидить на дубчику” [19, с. 72]; [18, с. 48–49], и отражающий “может быть и сознательное употребление звательного падежа как более сочного вместо именительного” [19, с. 72]. По-видимому, как подлежащее рассматривал форму *враже* и Г.О. Винокур: «Ср. в летописи предсмертный возглас изменнически убитого Ярополка (под 1086 г.): “Охъ, тотъ мя *враже* улови”, где слово *враже* означает “дьявол” в применении к убийце» [20, с. 54]⁷.

Тем не менее устоявшаяся трактовка вызывает определенные трудности, обусловленные

⁶ Правда, на той же странице как вокатив рассматриваются, вслед за словоуказателями к изданиям Успенского сборника [12, с. 507, 516, 645] и Изборника 1076 г. [13, с. 938, 1049], и формы дат. пад., используемые наряду с имен. и род. при междометии *о* в функции восклицания [14, с. 85]; [15, с. 18]; [16, с. 147–148] (*о* плачу и биению не на добро бывающю [12, с. 317]), и имен. пад., воспринятый без учета дистантно расположенной связки в составе сказуемого (боуди... Чадо... сѣть... наслѣдникъ [13, с. 272–273]; ошибочные трактовки исправлены в словоуказателе к новому изданию Изборника [17, т. II, с. 195, 303]).

⁷ Заметим, что неучет формы *вороже*, использованной в этом контексте в “Ипатьевской” редакции ПВЛ, ставит под вопрос другой вывод автора: “Неприятель, смотря по контексту, может означаться как словом *врагъ*, так и словом *ворогъ*, но дьявол как ненавистник и погубитель рода человеческого обозначается только словом *врагъ*” [20, с. 54].

именно уникальностью отмеченных выше употреблений: *tot(ъ)* остается раритетным примером редупликации *tъ* в ПВЛ (см. [10]; [21]) — так что лемматизация всех форм этого местоимения под начальной формой *totъ* в словоуказателе О.В. Творогова [3, с. 697] скорее вводит в заблуждение⁸; номинатив *вороже* отделен от стихометрически обусловленных употреблений типа *Плаче, плаче молодой козаче* несколькими веками, тогда как использование этой зв. формы в естественной для нее функции обращения находит ряд подтверждений в древнерусской письменности [23, с. 62–63]; наконец, непонятно, почему враг (убийца Нерадец или дьявол, см. ниже) анафорически назван “тем”, — в предыдущем изложении о нем речи не было.

Очевидно, осознавая ненадежность указанных интерпретаций, А.А. Шахматов специально обратил внимание на “зват. враже” и предложил для восклицания Ярополка минимальную конъектуру: “охъ, *то ты* мя, враже, улови” [24, с. 261]. Слабость этой конъектуры состоит, однако, в том, что она предполагает искажение по всем спискам более чем обычной — и при этом не энклитической — формы имен. пад. местоимения 2-го лица *ты*.

Между тем, анализируемый контекст допускает вполне удовлетворительное объяснение без каких бы то ни было эмендаций и постулирования аномальных форм — и эта трактовка была предложена крупнейшим немецким славистом, выдающимся исследователем Повести временных лет Лудольфом Мюллером. В словоуказателе к летописи Мюллер и его коллега Барбара Грёбер отнесли написание *tot* к лемме “ТО ТИ, ТОТЬ, ТОТЬ, ТОТ, ТОТ” со значениями “da, jetzt, nun, also, wahrlich” (“вот, сейчас, ныне, итак, поистине”); правда, при этом форма *оулови* сохранила — видимо, в русле традиционной интерпретации — определение “Аог. 3.” [25, с. 815, 817, 863]. Абсолютно корректен, напротив, немецкий перевод, из которого однозначно явствуют, во-первых, статус *tot* как указательной частицы (т.е. *totъ* с утратой еря в позиции перед энклитикой, ср. обычные для позднерусской письменности написания типа *блѣжат ма* СбЧуд XIV, 116а [26, т. I, с. 225], *он же, мил ся дъеть* и т.п.), во-вторых, единственно верное понимание аористной формы как 2-го л., в-третьих, интерпретация *враже* как обращения: “Ach, da hast du mich zugrunde gerichtet⁹, mein Feind!”

⁸ О других, более ранних примерах подобного удвоения см. [22, с. 180–181].

⁹ Перевод основан на версии большинства списков — *погоуби*.

[27, с. 245] ‘Ох, вот ты меня (и) погубил, мой враг!’¹⁰. В современном русском переводе древнерусского текста представляется уместной архаичная форма *враже* без притяжательного местоимения — причем более вероятной кажется соотносительность этого обращения не с безвестным Нерадцем¹¹, а с дьяволом: недаром летописец подчеркнул, что князь был убит *ѿ дьявола наоученья. и ѿ злыхъ члѣвкъ* ‘наущением дьявола и злых людей’. Использование частицы *totъ* ‘вот (и)’, выражающей “завершение... предшествующего состояния” [29, с. 729], в данном контексте вполне оправданно: далее летописец сообщает, что убитый князь Ярополк,

многы бѣды приимъ без вины. изгонимъ ѿ братья своєа. вбидимъ разграбленъ. прочее [‘наконец’] и смръть горкую приагъ (*Л*, 69б–в) [3, стб. 206–207].

Другие примеры из ПВЛ, приведенные Л. Мюллером под леммой “ТО ТИ”, не всегда однозначны. Иногда, на наш взгляд, *то ти*, переданное им по-немецки как “da”, правомернее было бы рассматривать не как отдельную лексическую единицу, а как сочетание местоимения *то* ‘это’ с частицей *ти* ‘а, же, ведь’:

и ре(ч) има гань. *то ти* ва(м) право повѣдали (*Л*, 60а) [3, стб. 178] ‘...а это вам правильно сказали’,

либо, чаще, как сочетание частицы *то* ‘вот’ с местоименной энклитикой *ти* ‘тебе, у тебя, к тебе и т.п.’:

али ти лихо е. да *то ти*¹² сѣдти. сѣъ твои хрь(с)тныи с малы(м) братомъ своимъ хлѣбъ ѣдучи дѣдень. а ты сѣдиши в своемъ а ѿ се са ради. али хочеши тоу оубити а *то ти* еста (*Л*, 84б) [3, стб. 254] ‘...так вот (же) сидит подле тебя сын твой крестный... то вот они у тебя оба’ (ср. [6, с. 475]); и гл҃аста ему исакъ *то ти* [*ЛРА* лакуна; *X + e(c)*] х(с)ъ. падъ. поклониса ему (*И*, 71б) [30, стб. 184] ‘вот перед тобой’,

либо, наконец, как сочетание наречия *то* ‘тогда’ с энклитическим дат. пад. *ти*:

¹⁰ Как зв. интерпретирована форма *вороже* из *И* и в [10], хотя *погуби* — как 3-е л.

¹¹ У нас нет полной уверенности в корректности написания этого слова с прописной буквы, т.е. в статусе его как личного имени: на фоне таких отглагольных существительных с суффиксом *-ць*, как *водць*, *ловць*, *любць* и мн. др., нельзя, думается, исключать интерпретацию *нерадьць* как производного от *нерадити* ‘относиться без внимания’, ср. более позднее *нерадьтель* ‘человек, не заботящийся о выполнении своих обязанностей, своего долга’ [28, вып. 11, с. 263]; при такой трактовке Ярополк был “пронзен проклятым предателем (нарушившим свой долг)”.

¹² В немецком переводе не отражено: “...so lasse deinen Patensohn... sitzen” [27, с. 363].

киани же разъграбиша дворъ путатинъ. тысячь(с)кого. идоша на жиды. и разграбиша ѿ. и послашася паки кияне к володимеру глѣюще. поиди кнаже киеву. аще ли не поидеши. то вѣси ѿко много зло оу(з)двигнетсѧ. *то ти* не путатинъ дворъ ни соцькихъ. но и жиды грабити. и паки ти поидуть. на ѧтровъ твою и на ботары. и на монастырѣ. и будеши ѿвѣтъ имѣлъ кнаже. же ти монастырѣ разъграбятъ (*И*, 102в–г) [30, стб. 276] ‘...тогда у тебя не (только) Путятин двор...’¹³.

Статус *томи* (и тем более *тошь*) как частицы представляется несомненным в контекстах:

влег же посмѣсѧ и оукори кѣдесника. река *томи* [*тошь* (*И*, 15в); в *Л* лакуна] неправо глѣють волсви. но всѧ ло(ж) е(с) (*Р*) [3, стб. 39; 30, стб. 29] ‘*Вот*, неверно говорят волхвы...’¹⁴; и бѣ оу ѧрослава кормилецъ. и воевода. именемъ буды. нача оукарати болеслава глѧ. да *томи* прободемъ трѣскою черево. твое толстое (*Л*, 48г) [3, стб. 143] ‘*А вот* (*ужо*) проткнем...’¹⁵.

Во фрагменте:

влегъ же... не восхотѣ ити къ братома своимъ... сѣополкъ же и володимеръ рекоста к нему. да се ты ни на поганья идеши с нама. ни на думу. ‘*тошь* и’ [*Л то*; *РА ино* ‘тогда’] ты зло мыслиши на наю. и помогати хочещи поганымъ (*И*, 84в, *Х*) [30, стб. 220] –

тошь имеет значение союза ‘итак, следовательно’.

Целый ряд примеров с *томи* зафиксирован в берестяных грамотах – в значениях частицы ‘вот’ (№ 384, 959, 989, 1004, 1005, 1006), наречия ‘итого, всего’ (293, 644, 675, 835, 1004), союза ‘итак’ (776)¹⁶. В то же время в грамоте № 531 (нач. XIII в.) *тоте* /*тот*/ выступает, как мы полагаем, в значении ‘тогда, в таком случае’:

¹³ В немецком переводе, вопреки трактовке в словоуказателе, “Sie plündern dir...” [27, с. 329].

¹⁴ В немецком и русском переводах *томи* оставлено без соответствия [27, с. 42]; [5, с. 156], что косвенно свидетельствует в пользу интерпретации его как частицы.

¹⁵ В немецком переводе, в отличие от словоуказателя, *ти* передано посредством “dir”, а *то* осталось без соответствия [27, с. 177], так же и в русских переводах: “Проткнем тебе колом брюхо твое толстое” [5, с. 200]; [6, с. 187]; такое игнорирование *то* наряду с плеонастическим совмещением в одной фразе личного и притяжательного местоимений 2-го л. (*тебе твое*) снижает надежность трактовки.

¹⁶ В нескольких контекстах, отнесенных к союзу *то ти* в словоуказателе к берестяным грамотам [31, с. 807], определение семантики и синтаксической функции последовательности *то ти* не представляется возможным из-за их фрагментарности (грамоты № 737, 812, Ст. Р. 12, 820), а в предложении: оже ли не присълеши то ти въ полы (№ 915) – и *то*, и *ти* являются, по нашему мнению, местоимениями: ‘если не пришлешь, это тебе наполовину (дороже станет)’.

оже боуду люди при комо боуду дала роукоу за зате *тоте* а во вине ‘если будут свидетели, при ком я поручилась за зятя, тогда вина на мне’ –

т.е. здесь мы имеем дело с наречием *томи* / *тошь*, которое документируется уже в XI в. (в сочетании с частицей *же* и в соответствии с греч. εἶτα ‘потом, затем’):

Они же [бесы] рѣша юмоу [праведнику]. по истинѣ имате ꙗко вешти. вельми противляюштасѧ намъ... Стою причаштению. и чьстньныи кръсть. и сѣою хрштение. *Тоть* же въпраша ихъ бѣжи. члѣвкъ глѧ. котораго же отъ трии тѣхъ боле боитеса [17, т. I, с. 584–585; т. II, с. 69] ‘И тогда спросил...’¹⁷.

Наречное употребление *томи* имеет место, очевидно, и в следующем контексте из ПВЛ:

и ре(ч) сѣополкъ. се ѧзъ готовъ оуже. и вста сѣополкъ(ь) и ре(ч) юму володимеръ. *томи* брате велико добро створиши землѣ русскѣи (*Л*, 93в) [3, стб. 277], –

для которого перевод “...Da tust du, Bruder, ein großes Gutes dem Russischen Lande” [27, с. 304], где *da* = ‘тогда, таким образом’, представляется более адекватным, нежели ‘Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской’ [5, с. 256]; [6, с. 289], где *то* выступает как первый винительный в обороте “двойной винительный”, однако *ти* остается без соответствия.

Другие примеры наречия *тошь* в значении ‘тогда, в таком случае’ отмечены в смоленских грамотах XIII в.:

оулюбить [смолянин] своею волею нести желѣзо *тътъ* его вола [34, с. 516]; Аже роусинъ коупить. оу латинского члѣвка. товаръ. а възмьтъ к собѣ. *тошь* латинскому. не взати товара наоупать; аже самъ възсочете. *тътъ* идѣтъ; аже не слоушаетъ старосты. *тошь* можеть на него дѣткого [sic] приставити [34, с. 566–567]¹⁸.

¹⁷ Это наречие вызвало существенные затруднения у публикаторов и исследователей Изборника: в издании 1965 г. *тошь же* отнесено к лемме “тъ мест.” [13, с. 1029] – т.е. воспринято как редуцированное *тътъ* с вокализацией и меной редуцированных; в издании 2009 г. дано как отдельная лемма “тътъъ же? мест.”, снабжено восклицательным знаком и эмендировано (под вопросом) как **таже* [17, т. II, с. 288]; У.Р. Федер восстанавливает на месте *тошь же* – вероятно, на основе варианта *тоже* в списке конца XV – начала XVI в. – либо *Тоже* (на глаголице), либо *То же* (на кириллице) и подверстывает данную последовательность к лемме “то съюз” [32, т. 2, с. 216; т. 1, с. 223]; следует заметить, что для *тоже*, в отличие от *таже*, “Словарь старославянского языка” не фиксирует ни значения времени или следования, ни параллели εἶτα [33, т. IV, с. 418, 468] – однако в древнерусских памятниках наречие *тоже* ‘тогда; потом’ засвидетельствовано множеством примеров [28, вып. 29, с. 389].

¹⁸ Примеры из списка А грамоты 1229 г. почему-то не отражены в словоуказателе к последнему изданию под леммой “[*тотти*] част.” [34, с. 732]; в латышской части издания дан правильный перевод – наречие *tad* ‘тогда’ [34, с. 380, 422].

Как наречие, так и частица *toti* представлены в Русской правде, ср. соответственно:

искавшие ли послоуха и не налѣзоуть, а истыца [в др. сп. истецъ] начьнеть головою клепати. *toti* имъ правьдоу желѣзо [35, с. 31] ‘Если, поискав свидетеля, не найдут, а истец станет обвинять в убийстве, тогда им для выяснения истины пройти испытание железом’; *toti* оуроци смърдомъ. ѡже платать князю продажу [35, с. 39] ‘вот (каковы) расценки для смердов, когда они платят князю штраф’.

В Киевской летописи, продолжающей ПВЛ в составе Ипатьевского списка, *toti* / *totъ* может быть выделено в нескольких значениях — в качестве частицы и союза:

а ѡнь же киевъ собѣ. и ѣще надъ тѣмъ. и туровъ и пинескъ оу мене ѡналь. *toti* изаславъ ма тѣмъ приубидиль (*И*, 155в) [30, стб. 429] ‘вот (?)’; и ре(ч) ему петръ кнѣже крѣсть еси къ брату своему. къ изаславу и къ королеви цѣловаль. ѡко ти все оуправити. и с нима быти. *toti* оуже еси съступилъ крѣстного цѣлования (*И*, 166б) [30, стб. 462] ‘следовательно’; и текоша [убийцы Андрея Боголюбского] позоровати его ѡже нетуть. идеже его ѡтошли [sic] оубивше. и рекоша *totъ* е¹⁹ погибохомъ (*И*, 207г) [30, стб. 587] ‘Ну вот мы и погибли!’²⁰.

Несколько примеров *toti* зафиксировано в древнерусском переводе “Пчелы”. В словоуказателе к последнему изданию они недифференцированно сгруппированы под леммой *то* “в сост. союза *то* *ти*” [39, т. II, с. 338], однако, на наш взгляд, союз *toti* ‘итак, следовательно’ выступает в трех примерах (ср.: не нази ли родихомъ са на се житые; *toti* разоумно юсть. подобно ти роженью и конецъ приати [39, т. I, с. 128,30–129,1, а также 142,13; 185,27], а в остальных пяти — наречие *toti* ‘тогда, в таком случае’ (ср.: Аще бы знаменіе оумоу было [в др. сп. далее юже] много молвити, и скоро, и часто, *toti* ластовиць [в др. сп. -цѣ] оумнѣише всѣ(х) быша были [39, т. I, с. 310,19, а также 278,5; 194,26; 231,24; 246,21].

Вполне бесспорный пример частицы *totъ* — причем в позиции перед формой вин. пад. местоимения 1-го л., как и в речи Ярополка, — обнаружен в расшифрованных нами совместно

¹⁹ Над *e* — вероятно, усилительной частицей [36, т. IV, с. 513]; [37, т. 6, с. 7] — приписаны буквы *сме*, добавление которых превращает исконную форму аориста *погибохомъ* в аномальное образование со связкой.

²⁰ В контексте: и ѣще ваю есмь оустагываль. а вы мене не слушаеа то ти ни мнѣ еста не оуправила еже рекша но бѣви (*И*, 155г) — в издании А.А. Шахматова [30, стб. 430] *toti* напечатано слитно, а в издании И.С. Юрьевой — раздельно, причем в словоуказателе отнесено к союзу *то* *ти* [38, с. 227, 790]. Думается, *то* является здесь местоимением ‘это’, а *ти* — частицей ‘ведь’: ‘ведь это вы не мне не сделали того, что обещали, а Богу’.

с И.М. Ладыженским экстратекстах (маргиналиях) Иова (Иева) — писца галицко-волынского Паренесиса Ефрема Сирина 1269–1281 гг. (РНБ, Пог. 71а). Внизу листа 78 об. практически до полной нечитаемости (невооруженным глазом) затерта запись:

тотъ ма шпечали петръ сии г(с)днь мои без вины сту<п>a<(т)> не могу ни пера держати ‘Вот (как) меня этот Петр, господин мой, безвинно огорчил: ни ходить не могу, ни пера держать’.

В написанной явно с досады заметке имеется в виду, несомненно, тот самый заказчик рукописи, тиун Петр, о котором в “официальной” выходной записи (л. 329–329 об.) говорится в “тоне напряженно-восторженном” (если воспользоваться выражением Е.В. Тарле) — в частности, сообщается, что он *строгаешеть сиа книги с<ъ> многомъ тццаньѣм<ъ> на вса дни милуа мастера*, — а на того, кто его *не похвалить*, призывается *ѡнафома* (см. [40, с. 644–645]). Другая неосторожная (а потому тоже стертая, даже более тщательно) запись также начинается с *totъ*, да еще и дважды: писец приступил к излиянию своих чувств, написав *totъ ю* (ср. выше восклицание убийц князя Андрея: *totъ е погибохомъ*), затем прервался, но потом на той же строке все же продолжил — и именно этот текст (который мог бы прояснить *totъ е* в Киевской летописи), видимо, по зрелом размышлении, уничтожен:

totъ ю пр<...>²¹ петръ сии. не дасть ми ѡпуста. оу(же) не могу. истомиль ма (л. 282 об.)²².

Таким образом, наречие / частица / союз *toti* / *totъ* достаточно широко употреблялись в восточнославянской письменности древнейшей поры, прежде всего при передаче прямой речи, что свидетельствует об их разговорном статусе. В основе наречия *toti* лежит, как мы полагаем, соединение отместоименного наречия *то* ‘тогда; так; в таком случае’ (ср. лит., лтш. *tad* ‘тогда’) с частицей *ти*. Примеры адвербиального *то*, по образованию аналогичного наречию *се* ‘теперь,

²¹ Около 20 букв не поддаются дешифровке.

²² Другой экстратекст — запись на 1-м листе Жития Саввы Освященного (РНБ, Q. 106) — начинается, вопреки публикации в [41, с. 165], не словом *То*, а словом *ѡто* ‘итак’, так что помещение соответствующей цитаты в [28, вып. 30, с. 74] в статью *тоти*² неуместно (попутно заметим, что распределение цитат и их грамматическая и семантическая квалификация в статьях *тоти*¹ и *тоти*² требуют существенного пересмотра).

сейчас; тогда; так²³, обычно тонут в море других *то* и упускаются из виду, хотя его существование, на наш взгляд, доказывается, в частности, такими контекстами, как²⁴:

то (ж) слышавше плъсковизи. ѿко приве(д) ѿро-сла(в) пълкы. оубоавшеса то(г). възаша мирь съ рижаны. ЛН XIII₂, 104 об. — ‘тогда’; то [осквернение] ре(ч) [епископ Нифонт] ѿсть ѿже съ причащаниемъ. съ женоу цѣловати(с)... или и гоиломъ прикоснутиса. индѣ не (в) само просто вѣврещи. а *то* сѣма изидеть. КН 1285–1291, 529–530 (Вопрошание Киррика) — ‘тогда’²⁵; глѹшема има [Сильвестру и Замврию]. *то* и быкъ тѣ приведенъ бы(с) многыми моужи держимъ. (ѿдоу ‘вот’) ГА XIV₁, 216б — ‘тогда’; [рассказ Григория Двоеслова] ѿвиса еи [Фарсилле] дѣдъ мои филикъ... глѣ. гради ѿко в сию обитель свѣта прииму та. и *то* немощь трасавичната приаю. ПрЮр XIV₂, 253б — ‘тогда’; аже холопъ крадеть кого любо. то г(с)ну выкупати. любо выдати с кимъ будетъ кр(а)ль... но ѿже будетъ [в др. сп. боудоуть] с нимъ кралѣ. и хоронили и *то* вси(х) выдати. РПр сп. XIV₂, 21–22 — ‘тогда’; и ре(ч) [блудница] веде [т.е. вѣдѣ] раи. и муку. глѣ ѿи старецъ *то* чему дша многы члвч(с)кыя погубила ѿси. Пр 1383, 133в — ‘в таком случае’.

Ввиду чрезвычайной многозначности *то* оно в адвербиальном употреблении подвергалось различным расширениям — в первую очередь с помощью (до сих пор загадочного) *-г(э)да*, но также посредством десемантизированной частицы *ти* (первоначально ‘же, и’), результатом чего и явилось возникновение новой лексической единицы — наречия *тоти*, на основе которого развились союз и частица. Десемантизации *-ти* способствовало наличие варианта с нулевой ступенью чередования *тоть* (ср. уже в Изборнике 1076 г.), который, ввиду весьма ранней фиксации, едва ли можно интерпретировать как результат редукции конечного безударного гласного, но логичнее рассматривать в одном ряду со столь же ранними аблаутными вариантами *коли / коль* и *толи / толь*. В синтагматическом плане десемантизация *-ти/-ть* находит выражение в присоединении к *тоть* частиц *же* и *е*. В позднерусский период, после редукции конечных

²³ В [26, т. XI, с. 97–98] соответствующие употребления оговорены, но отнесены к частице *се* “в роли нар.”, хотя частица безусловно вторична по отношению к наречию; в [28, вып. 24, с. 7] наречный статус “частицы” *се* явствует только из дефиниций — ‘здесь’, ‘там’, ‘тогда’, ‘теперь’, ‘так’.

²⁴ Далее цитируется находящийся в процессе редактирования материал XIII тома Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.).

²⁵ Непосредственно за этой фразой следует загадочное *то ти ѿсть тако*, где с чисто грамматической точки зрения *то* выглядит как подлежащее при *ѿсть*, а *так* — как часть составного именного сказуемого, согласуемая с *то*; возможный перевод — ‘И это (все приведенные выше случаи) вот что’, т.е. ‘И в этих случаях вот что следует делать’.

безударных, связанной с падением редуцированных, первоначальное *тоть* /тоть/ и вторичное *тоть* /тот’/ < *тоти* совпадают.

Таким образом, и употребление вокатива в роли подлежащего, и редупликация местоимения *тѣ* в Повести временных лет оказываются лингвистическими фантомами, рассеивающимися в свете лингвистических фактов.

II

В обоих изданиях нашего “Исторического синтаксиса” [42, с. 258]; [43, с. 291] при рассмотрении двойственного некаузативно-каузативного употребления одних и тех же глаголов наряду с примерами типа *гнати путь / гнати прахъ* приведена и уникальная конструкция, в которой глагол *течи* (*тещи*), в отличие от обычного использования в значении ‘идти’, выступает в роли каузатива: Аще на похоть око *течь* ны [44, с. 193]. Эта цитата, почерпнутая из фрагмента Паренесиса Ефрема Сирина (слово 46-е [45, с. 156]) в составе Троицкого сборника XII–XIII вв. (РГБ, Тр. 12, л. 193 об.), была включена нами — без внимания к важному различию — и в 29-й выпуск “Словаря русского языка XI–XVII вв.” в качестве последнего, 12-го значения глагола *течи*:

12. Кого. *Побуждать, возбуждать*. Аще на похоть око *течь* [Ефр.Сир.¹, 36. XIII–XIV вв.: скъкъшете] ны, тѣрпѣние възъмъше, удържимъ чювьствие, и абие отбѣжитъ насъ (ἐάν... ἡμᾶς γαργαλίξῃ). (Поч.Ефр.Сир.) Сб.Тр.¹, 193. XII–XIII вв. [28, вып. 29, с. 340].

Наконец, наш пример вошел в арсенал типологических исследований:

Aš'e na poxot'-Ø ok-o teč'-et' ny.
if on lust-SG.ACC eye-SG.NOM run-PRS.3SG we.ACC
'If our eye(s) incite(s) us to lust.' (lit. 'runs us to lust') [46, с. 618].

Сейчас, после многих лет занятий переводной славянской письменностью, приступив к редактированию XIII тома Словаря древнерусского языка (С–Т), мы пришли к выводу о том, что изолированное каузативное употребление глагола *течи* (*тещи*) является фикцией.

Греческий глагол γαργαλίζω ‘щекотать’ и существительное γαργαλισμός ‘щекотка’ — обычно в переносных значениях ‘раздражать, возбуждать’ и ‘раздражение, возбуждение’ — в известных нам славянских источниках переводятся лексемами *копосати* (Пандекты Никона Черногорца) [26, т. IV, с. 263], *ласкърдовати, ласкърдие* (Слова Григория Богослова) [26, т. IV, с. 391], *остри-ти* [47, с. 330]; [48, с. 83], *раждизати* [49, с. 568]; [26, т. X, с. 101], *скъкътати, скъкътание, оскъкътати* (Лествица, Житие Нифонта, Житие

Андрея Юродивого и др. [26, т. XI, с. 247]; [28, вып. 13, с. 101; вып. 24, с. 221]; [50, с. 189])²⁶. Именно глагол *скъкътати*, родственный совр. *щекотать* и толкуемый в словаре А.Х. Востокова — причем с цитатой из Ефрема Сирина! — как “щекотанием возбуждать” [51, т. II, стб. 172]²⁷, фигурирует в нескольких рукописях, содержащих, полностью или частично, текст древнеболгарского перевода Паренесиса: в кодексе XIII–XIV вв. РГАДА, Тип. 38, 36а — *скъкъщете*, в списке 1377 г. БАН, 31.7.2, 84 — *скокчеть*²⁸, в рукописи XIV в. РГБ, Тр. 7, 75г — *скокщет*, в сборнике XIV/XV вв. РГБ, Рум. 357, 259 об. — *скокъчеть* [ъ исправлено из о]. На фоне этих вариантов, демонстрирующих, с одной стороны, вполне обычную параллель к γαργαλίζω, которую естественно реконструировать как *скъкъщеть, с другой — отсутствие эквивалента для формы *око* (в полном соответствии с греческим: ἐὰν εἰς ἐπιθυμίαν γυναικὸς ἡμᾶς γαργαλίζη ‘если возбуждает (scil. враг, дьявол) нас на страсть к женщине’²⁹), конструкция *око течеть* в Троицком сборнике предстает как результат искажений: писец, прочитав начальное *с* как *о*, переосмыслил

последовательность *ско-* как *око* (либо, наоборот, воспринял неопределенно-личное предложение как двусоставное с подлежащим *око* и поэтому посчитал *с* ошибкой), а ставшее бессмысленным *-къчеть* заменил на “нормальную” форму *те-четь*; впрочем, учитывая долгий путь от перевода творений Ефрема Сирина в Первом Болгарском царстве до эксцерпирования их в древнерусском сборнике рубежа XII–XIII вв., можно предположить и промежуточное звено между *-къчеть* и *те-четь* — форму **тъчеть*, от глагола *тъкати* в значении ‘тыкать, колоть, перен. подстрекать’. (Следует заметить, что в процессе бытования текста в рассмотренной фразе возникали и другие варианты: так, в Рум. 357 *похоть* заменено мн. числом *похоти*, в Тр. 7 на *похоти* превратилось в *находити*, а в Пог. 71а, 122г на месте *скокщеть* появилось *хощет* [59, с. 226; 21].)

Так текстология, придя на помощь грамматике, в очередной раз показала ненадежность выводов о языке книжной письменности, не опирающихся на анализ рукописной традиции.

III

Древнейшая датированная славянская надпись — Крепченская 921 г., с 1977 г. неоднократно публиковавшаяся выдающимся болгарским эпиграфистом К. Попконстантиновым, начинается словами:

лѣ(т) ѿ вѣлѣ почи р<аьв бо>жин антонъ (по прориси в изд. [60, с. 378]) ‘в год 6430 скончался раб Божий Антон’.

Во всех изданиях первое слово надписи, сокращенное методом *per litteram superpositam* (ср. [61, с. 107]), раскрывается как форма вин. пад. *лѣто*, причем высказывалось мнение, что перед ней отсутствует предлог *въ* [62, с. 18]. Недавно Р. Кривко подробно обосновал, со ссылками на наш “Синтаксис” [43, с. 73–76], беспредложный статус этой формы [63, с. 172], с уверенностью определив ее как «древнейший известный в славянской письменности и уникальный в болгарской эпиграфике пример беспредложного употребления “винительного момента”» [63, с. 181]. При всей лестности указанных ссылок вынуждены их дезавуировать. Венский славист отметил, что написание *лѣ(т)* с выносной *т* в принципе допускает “и другую возможность реконструкции: *лѣ<а>* — с родительным времени”, — но отмел эту возможность ввиду отсутствия соответствующих примеров в древнеболгарской эпиграфике, знающей только сочетания (хотя и немногочисленные) с предлогом *въ* + вин. пад. [63, с. 172]. Необходимо, однако, подчеркнуть, что в отличие от беспредложного родительного времени *лѣта*, пусть

²⁶ Для *скокъщу* в контексте: Азь есмь иже въ блудь тѣхъ скокъщу [51, т. II, стб. 172; 52, т. III, стб. 400; 28, вып. 24, с. 221] — параллелью является причастие γαργαλίζων [53, с. 63], т.е. форма на -у, очевидно, восходит к болгарскому причастию на -а (греческий источник установлен по [54, с. 29]). Отмеченная в [55, с. 542] параллель γαργαλίζω — *възвеселити* вызывает сомнения, так как греческий и славянский тексты толкований к Книге пророка Иезекииля, приведенные в издании [56, с. 188–189], слишком явно различаются, ср.: καὶ οἱ χρηστότεροι λόγοι, καὶ ψευδεῖς ὄντες, πρὸς καιρὸν μὲν τῆν ἀκοήν γαργαλίζουσι ‘...слух щекочут’ — *также и лъжаа словеса, въ ча(с) възвеселать слышжшжж*. Любопытному переосмыслению существительное γαργαλιζμός подверглось в переводе Огласительных поучений Феодора Студита, вообще избыточном самыми разнообразными ошибками: в контексте (о дьяволе) λέμλων τὰ κατὰ τῆς ψυχῆς τόξα, τοὺς γαργαλιζμοὺς, τοὺς ἐμυρτισμοὺς τῶν ἡδονῶν ‘посылая стрелы на душу, возбуждения, пожары наслаждений’ переводчик воспринял τοὺς γαρ- как артикль и частицу γάρ, передав их посредством *ово бо*, в форме ἐμυρτισμοὺς вычленил предлог ἐν ‘в’ и смешал (вследствие итацизма) корень *пѣр* ‘огонь’ с *лѣтра* ‘испытание, искушение’, получив *въ искушеннѣмь*, а оставшийся — кажется, ни с чем не сообразный — кусочек -γαλιζοῦς домыслил как причастие *пакоста*, вполне уместное при описании козней дьявола: *ово бо пакоста въ искушеннѣмь сластолюбьи* (РГБ, МДА, ф. 172 (I), № 52, л. 159г).

²⁷ У А.Х. Востокова дана не совсем корректная лемма *скоккътати*, тогда как у Ф. Миклошича — уже правильное *скъкътати* [57, с. 852].

²⁸ Фотокопию этого отрывка любезно прислала нам М.В. Корогодина.

²⁹ В переводе XIX в. “Если раздражает в нас похоть к женщине, то, употребив в дело терпение, преодолеем чувство, и враг тотчас убежит от нас” [58, с. 152].

и в крайне ограниченном объеме, но все же представленного в старославянской письменности [64, с. 219], а в древнерусской засвидетельствованного десятками примеров (ср. хотя бы хрестоматийное *того ль(т) коли альбрахтѣ. влѣдка ризкии оумьрль* в Смоленской грамоте 1229 г. [34, с. 563], а также данные [10]), аккузатив **лѣтѣ** в нашем материале по винительному момента (т.е. в оборотах типа лермонтовского *Такой-то царь, в такой-то год*) вообще не фигурирует. Думается, написание **лѣ(т)** в надписи 921 г. отражает и не винительный, и не родительный падеж, а третью, весьма архаичную форму, которая в древних славянских памятниках нередко выступает в значении времени, — местный падеж. Надстрочная **т**, являющаяся “древнейшим сохранившимся выносным написанием в славянской палеографии” [63, с. 171] и надписанная над **ѣ**, несомненно означает саму **т** и следующую гласную — но не отличную от предшествующей **ѣ** (как при возможных прочтениях **лѣ<а>** и **лѣ<о>**), а идентичную ей, как и в других очень частотных орфограммах, первичных, как мы полагаем, для данного типа сокращений, — **гла(в) = глава, сла(в) = слава, то(г) = того, рече(ч) = рече** и т.п. Темпоральный локатив **лѣтѣ** в несвязанном употреблении хорошо известен в значении ‘летом’, ср. *зимь и лѣть* ‘зимой и летом’ в Изборнике 1076 г. [26, т. IV, с. 462]; [65, с. 139, 140]³⁰, а в значении ‘в год’ по вполне понятным причинам используется исключительно с определением — ‘в тот (этот) год’, ср., вероятно, ориентированное на разговорный узус словосочетание *томь лѣтѣ* в Саввиной книге (*Ин 18. 13*) в соответствии с дативом **лѣтоу** **томуу** в других евангелиях [66, с. 186]; [67, с. 271], демонстрирующим регулярный для старославянского книжный эквивалент греческого генитива. Хотя скудный древнеболгарский материал, в отсутствие летописей, не может напрямую сравниваться с древнерусским, однако, как представляется, отличие между древнейшей обнаруженной надписью и более поздними эпиграфическими памятниками, где функцию обстоятельства времени выполняет сочетание **въ лѣтѣ** [63, с. 172], отражает такое же варьирование между разными беспредложными формами и эволюцию от беспредложных к предложным способам обозначения времени, какие явственно обнаруживаются, например, по спискам Повести временных лет, ср.: *семъ же лѣтъ* и *ватичи побѣди* (*И, 326*) [30, стб. 69] vs. *в семъ же лѣтъ* (*Л, 26*) [3, стб. 81], *сем же ль(т)* *придоша пружи. августа въ ѣ днѣ* (*Л, 94в*) [3, стб. 279]

³⁰ Аналогичные примеры из памятников других славянских языков и вывод о бесспорно праславянском статусе беспредложного локатива времени см. [66, с. 102, 150, 303].

vs. *тогоже лѣта* (*И, 96б*) [30, стб. 255]; *томь(же) ль(т)* ведена передъслава дщи сѣполча. в угры. за королевичь. августа. въ ѣ днѣ. *томже ль(т)*. *приде митрополитъ никеоръ в русь* (*Л, 94в*) [3, стб. 280] vs. *в томже лѣтъ...* *Тогоже лѣта* (*И, 96в*) [30, стб. 256], — а порой и в одном списке, ср. правку в *И, 94в* [30, стб. 250], где первоначальный мест. пад. *томже лѣтъ* исправлен на несколько аграмматичное (*в*) *тѣмже лѣтъ*. Всего, по данным [10], в ПВЛ по Ипатьевскому списку беспредложный локатив *лѣтъ* ‘в (тот, этот) год’ встречается — главным образом в составе устойчивого сочетания *томъже лѣтъ* — 10 раз (включая только что рассмотренный случай правки)³¹, в Киевской летописи и в Новгородской I летописи — примерно по 100 раз, в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку — 12 раз, однако уже в Галицкой и Волынской летописях XIII в. — ни разу³². Регулярным синтагматическим “спутником” мест. падежа, обозначающего год, является сочетание род. пад. от названия месяца + *въ* + (такой-то) *днѣ* — полный аналог оборота, реконструируемого для Крепченской надписи: **лѣ<сѣцѣ> октября въ <третии / пѣтын / осмын ж>е <на де>сѣте днѣ<ь>** [63, с. 173].

Предложенная трактовка избавляет нас от необходимости принять уникальное, абсолютно изолированное употребление вин. падежа — и в то же время, со значительной долей вероятности, предоставляет в распоряжение исследователей древнейший пример темпорального локатива, еще не ограниченного в своем функционировании сочетаниями с определением *томь(же) / семь*.

IV

Недавно открытая надпись об убийцах князя Андрея Боголюбского на стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, которую ее издатели датируют 1175 г. [68, с. 94], является важнейшим историческим источником; с историко-лингвистической точки зрения, однако, ее информативность не столь велика. Тем не менее А.А. Гиппиус и С.М. Михеев полагают, что в контексте:

си сѣть ѹбийци великаго князя андрѣа —

“для исторической морфологии русского языка важна словоформа [ʂ]бийци — один из древнейших примеров вытеснения исконной флексии -ль

³¹ Более древний Лаврентьевский список в [10], к сожалению, не обработан.

³² Ср. вывод В.Н. Топорова: “Очень интересно... наблюдение над б/пр. лок. времени в летописях. Под конец летописного повествования их становится все меньше и меньше, тогда как б/пр. род. времени появляется все чаще, пока не становится решительно преобладающим” [66, с. 23].

именительного и винительного падежей множественного числа мягкой разновидности *a*-склонения новым окончанием *-и*, заимствованным из твердого варианта” [68, с. 76]. Правда, сопоставительный фон, на котором рассматривается эта инновация, в статье несколько искажен: если самый ранний пример неисконного вин. пад. мн. ч. на *-и* в книжной письменности — действительно *милостыни* из Изборника 1076 г., то следующий по древности — *рабыни* — зафиксирован не “в новгородском Пантелеймоновом евангелии конца XII в.”, а в Милятином евангелии [69, с. 182]; [70, с. 149], которое его исследователь и издатель Г.А. Мольков ранее датировал первой половиной XII в. [71, с. 47], а теперь — третьей четвертью XII в. [72, с. 294]³³. Не вполне убеждает также безоговорочное отнесение надписи, процарапанной на стене переславского собора, к числу источников, отражающих язык Северо-Восточной Руси: автору этих строк пришлось на своем веку повидать немало надписей разной провенанции, среди которых была, например, и метровая инскрипция на скале в г. Ганноверш-Мюндене “ВСЕ КОЗЛЫ МЕНТЫ”, которую едва ли можно расценивать как образец нижнесаксонского диалекта.

Однако анализируемый текст вообще не может привлекаться ни для обоснования, ни для опровержения тезиса, согласно которому процесс “закреплени[я]... инновационных форм на *-и*... активно шел уже в XII в.” [68, с. 76]. Даже современных форм типа *молотобоец* — (*Василий*) *Болгарбойца*, демонстрирующих морфологическое варьирование в производных с суффиксом *-ыц-* от корня *би-* (на *-о*-ступени), кажется, было бы достаточно для того, чтобы усомниться в принадлежности формы *ѡбийци* к основам на **ā*. Что же касается древнерусского языка, то уже в “Материалах” И.И. Срезневского, судя по “Index a tergo”, представлены образования *господоубициць*, *человѣкоубициць* и *братоубициць* [73, с. 294] — правда, первое из них при обращении к первоисточнику, Пандектам Антиоха, оказывается сомнительным, так как вин. мн. *въ господоубицица* (εἰς τοὺς κυριοκτόνους) вполне может относиться и к **ā*-основной парадигме. В III и IV томах Словаря древнерусского языка (СДРЯ, 1990—1991) выделены лексемы *господоубициць*, *дѣтоубициць* (но рядом — ошибочное *дѣтоубицица*) и *plurale tantum иконоразбицици* (впрочем, частично с формами

³³ Петербургский лингвист обнаружил еще несколько примеров, которые могут быть интерпретированы как результат взаимодействия твердого и мягкого вариантов, — род. ед. *одежди*, им.-вин. мн. *книгѣчи*, а также *кнази* [71, с. 39, 42].

**ā*-основного *иконоразбициць*³⁴) [26, s.v.], а в наших “Поправках” к первым томам Словаря число образований **o*-склонения на *-бициць* было расширено за счет исправленных лемм *блоудоубициць*, *богоубициць*, *братоубициць* [74, с. 180, 181]³⁵; в V и VI томах (2002, 2000) нашли отражение *моужеубициць*³⁶ и *отѣчеубициць*; в “Обратном словнике” к СДРЯ [75, с. 249], составленном на основе опубликованных томов, исправлений к ним и картотеки Словаря, помимо перечисленных, фигурируют также лексемы *първоубициць* (вошедшая затем в IX том), *убициць* (см. [74, с. 209]) и *человѣкоубициць* (см. s.v. *дѣтоубициць*); в X т. отмечено слово *самоубициць* (так уже в [28, вып. 23, с. 50]), а в Дополнения к I–X тт. включена лемма *моужеубициць* [26, т. XI, с. 731] (в более раннем списке — ПНЧ н. XIII, 976 — *моужеубициць*). Картотека СДРЯ документирует довольно активное использование существительного *убициць* — наряду с композитами — в таком популярном своде правил монашеской жизни, как Пандекты Никона Черногорца, ср.: *убицици* нась ѡканьныхъ превканьнии (ПНЧ н. XIII, 64а–б — οἱ φόνοι); иродоу... бы не клатиса ѡтиноудь и *убицицю* быти прѣркоу (Там же, 78б — φονεύς); и ина какаѣ зелиѣ дающе *убицици* соуть и ти (ПНЧ 1296, 31 об. — φονεύτρια); что судиши *убицицю*³⁷. или любодѣицю. и гробы ѡкопающе [так!]. ли кому когда ѡ безаконьны(х) (ПНЧ к. XIV, 106г; в греческом мн. ч.: τοὺς φονεῖς); и оубо *убициць* исповѣда (Там же, 116б — ὁ... φονεύς); и хулници. льстиви же. и *убицици* суть (Там же, 178в — φόνοι). Несколько раз имен. мн. *убицици* встречается в проложной версии Сказания о Борисе и Глебе: и приспѣша оканьнии *убицици* немл(с)твиѣ звѣриѣ (ПрЮр XIV₂, 8б = ПрП XIV–XV (1), 7г); и се придоша *убицици* посланиѣ ѡ поганополка (Пр 1383, 123в–г); и ѡидоша *убицици* злыи

³⁴ В [28, вып. 6, с. 222] статья *иконоразбициць* иллюстрируется недвусмысленно **ā*-основной формой мест. мн. *О иконоразбицицахъ*. Напротив, совершенно корректна статья *млатобициць* [28, вып. 9, с. 87], содержащая примеры из старорусских памятников.

³⁵ Лемма *братоубициць* приведена уже в [28, вып. 1, с. 324].

³⁶ Статья должна быть дополнена эмендированным чтением: *оружья требѣють. емоуже оубицици* [ПНЧ н. XIII, 48б *трѣбоуютъ. и моужеубициць*]. (ἀνδροφόνοι) ПНЧ к. XIV, 26г. Далее используются сокращенные обозначения древнерусских источников, принятые в [26].

³⁷ Трактовка этой формы как дат. пад. при глаголе *соудити*, регулярно управлявшем как дативом, так и аккузативом [43, с. 165], очевидна ввиду последующих однородных дативов. Тот же контекст цитируется в Мериле праведном: Что судиши *убицицю* и любодѣю. и гробы копающе [76, с. 122]. Благодаря обнаружению данного текста в Пандектах его источник, оставшийся до последнего времени неопределенным [45, с. 238], разъясняется.

	ед.	мн.
им.	<i>моужеоубиць</i> ПНЧ 1296 <i>ѡѣоубиѣць</i> ПНЧ 1296 <i>оубиць</i> ПНЧ к. XIV <i>моужеоубиѣць</i> Пр 1383, ПНЧ к. XIV <i>моужеоубиць</i> ПНЧ к. XIV <i>дѣтооубиць</i> ПНЧ к. XIV, ЖВИ XIV–XV <i>самооубиѣць</i> ПНЧ к. XIV <i>самооубиць</i> ПНЧ к. XIV <i>человѣкоубиць</i> ПНЧ к. XIV <i>члѣвоубиць</i> Пч н. XV (1) <i>млатобиѣць</i> Библи. Генн. 1499 г., Лекс. полоно-словен. 1670 г.	<i>Иконоразбици</i> KE XII <i>оубици</i> ПНЧ н. XIII, ПНЧ 1296, ПНЧ к. XIV, ПрЮр XIV ₂ , Пр 1383 <i>блудооубици</i> ГБ к. XIV <i>моужеоубици</i> ГБ к. XIV, ПНЧ к. XIV <i>дѣтооубици</i> Пч н. XV (1)
дат.	<i>оубицю</i> ПНЧ н. XIII, ПНЧ к. XIV, МПр XIV ₂	<i>ѡоубициемъ</i> ПНЧ к. XIV <i>го(с)оубициемъ</i> ПНЧ к. XIV
вин.	<i>на братооубица</i> СкБГ XII, ГА XIV ₁	
твор.	<i>съ братооубициемъ</i> ПА XI	

(Там же, 123г)³⁸. В целом материал исторических словарей и Картотека СДРЯ демонстрируют широкое употребление однозначных *о-основных форм в нескольких релевантных позициях с XI по XVII в., ср. таблицу выше.

Наконец, судя по данным [77, с. 180], образования на **-виць** зафиксированы и в канонических старославянских памятниках: в Мариинском евангелии (*Ин 8. 44*) – номинатив ед. ч. **чѣоубиць** (vs. **-ца** в Зографском и Ассеманиевом евангелиях), в Супрасльской рукописи – им. мн. **ѡоубици** [SJS, IV: 878; I: 130].

Все эти формы, чередующиеся с *ā-основными существительными³⁹, вписываются в общую картину варьирования морфологического рода у *nomina agentis* с суффиксом **-иць**, которое затрагивало и такие пары, как *крѣвопица* – *крѣвопиць*, *любодѣица* м. ‘прелюбодей’ – *любодѣиць* [74, с. 205, 209], *убоица* – *убоиць* [28, вып. 31, с. 35, 39].

Нельзя не признать: в исторических словарях нередки ошибки, и мы по мере сил стараемся их исправлять. Тем досаднее, когда очевидные достижения лексикографов остаются неостребованными в работах по исторической грамматике и источниковедению. Средневековая письменность *Slavia Orthodoxa* велика и обильна, и исключительное внимание лишь к отдельным, в принципе периферийным, явлениям этой письменности неизбежно ведет к обеднению наших представлений о языке древних славян.

³⁸ В [28, вып. 31] статья **убиѣць**, к сожалению, отсутствует.

³⁹ Ср. в одной синтагме: и оубиць. и оѣмь оубици (ПНЧ к. XIV, 202г).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврентьевская летопись. 1377 г. Электронное представление рукописного памятника. URL: <http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/>
2. The Pověst' vremennykh lět: An interlinear collation and paradosis / Comp. and ed. by D. Ostrowski ; ass. ed. D.J. Birnbaum; senior cons. H.G. Lunt. Pt. 1–3. Harvard: Harvard University Press, 2003. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature; X/1.)
3. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. (Полн. собр. рус. летописей; I.)
4. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020.
5. Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. 2-е изд. СПб.: Наука, 1996.
6. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 2000.
7. Савельев В.С. Речевое поведение князей “Повести временных лет” в сходных ситуациях // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 2. С. 9–24.
8. Повесть временных лет / Сост., примеч. и указатели А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А.Г. Кузьмина. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014.
9. Некрасов Н.П. Заметки о языке “Повести временных лет” по Лаврентьевскому списку летописи. СПб.: Тип. Имп. АН, 1897. (Сб. ОРЯС: LXV/4.)
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new>

11. Історія української мови. Морфологія. Київ: Наук. думка, 1979.
12. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М.: Наука, 1971.
13. Изборник 1076 года / Изд. подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М.: Наука, 1965.
14. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. V: La syntaxe. Paris: Klincksieck, 1977.
15. *Hock W.* Das Nominalsystem im Uspenski Sbornik. München: Peter Lang, 1986. (Slavistische Beiträge; 202.)
16. *Hock W.* Das große O! Omega bei Anruf, Anrede und Ausruf im nachklassischen Griechisch und im Kirchenslavischen // *Darъ slovesъny: Festschrift für Christoph Koch zum 65. Geburtstag.* München: Otto Sagner, 2007, 135–153. (Specimina Philologiae Slavicae; 146.)
17. Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. / Изд. подг. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Голышенко. Т. I–II. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
18. *Бевзенко С.П.* Исторична морфологія української мови. Ужгород: Закарпат. обл. вид-во, 1960.
19. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV, вып. 1: Существительное. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог. М.: Просвещение, 1985.
20. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
21. Манускриптъ: Славянское письменное наследие. URL: <http://mns.udsu.ru>, <http://manuscripts.ru>
22. Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь. М.: Азбуковник, 2020.
23. *Гинпиус А.А.* Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 47–71.
24. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.: Археографическая комиссия, 1916.
25. *Gröber B., Müller L.* Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. 4. Lief. München: Wilhelm Fink, 1986. (Handbuch zur Nestorchronik; III.)
26. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М.: Рус. яз. – Азбуковник, 1988–.
27. Die Nestorchronik / Ins Deutsche übersetzt von L. Müller. München: Wilhelm Fink, 2001. (Handbuch zur Nestorchronik; IV.)
28. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М.: Наука – Азбуковник, 1975–.
29. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
30. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. (Полн. собр. рус. летописей; II.)
31. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
32. *Кънажни изборникъ за възпитанне на канартикина* / Изд. от У.Р. Федер. Велико Търново: Унив. изд-во “Св. св. Кирил и Методий”, 2008. Т. 1–2.
33. *Slovník jazyka staroslověnského. I–IV.* Praha: Academia, 1958–1997.
34. *Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты: XIII в. – первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica – Ruthenica* об отношениях Смоленска и Риги. Рига: Латв. гос. ист. архив и др., 2009.
35. *Карский Е.Ф.* Русская правда по древнейшему списку. Л.: Изд-во АН, 1930.
36. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.
37. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.
38. Киевская летопись / Изд. подг. И.С. Юрьева. М.: ЯСК, 2017.
39. “Пчела”: Древнерусский перевод / Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. Т. 1–2.
40. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская). М.: Индрик, 2002.
41. *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.: Наука, 2000.
42. *Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М.: Индрик, 1997.
43. *Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд. М.: Азбуковник, 2006.
44. *Popovski J., Thomson F.J., Veder W.R.* The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in transcription // *Полата кънигописьная.* 1988. № 21–22.
45. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги). СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
46. *Letuchiy A.* Historical development of labile verbs in modern Russian // *Linguistics.* 2015. 53/3. P. 611–647.
47. *Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.
48. Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М.: Индрик, 1997.

49. Скитский патерик: Славянский перевод в принятом тексте и в реконструкции глаголического архетипа / Изд. У.Р. Федер. Amsterdam: Pegasus, 2012. (Pegasus Oost-Europese Studies; 14.)
50. Гръцко-църковнославянски речник / Съст. от И. Христов въз основа на Речника на църковнославянския език от архимандрит д-р А. Бончев. Атон: Зографски манастир, 2019.
51. *Востоков А.Х.* Словарь церковнославянского языка. Т. 1–2. СПб.: Тип. Имп. АН, 1858–1861.
52. *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: Репринт. изд. Т. I–III. М.: Книга, 1989.
53. *Дурново Н.Н.* Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности: Труды Славянской комиссии Имп. Моск. археол. о-ва. 1907. Т. 4, кн. 1. С. 54–152.
54. Справочные материалы к Словарю русского языка XI–XVII вв. Указатель источников. Словник (прямой). М.: ЛЕКСРУС, 2020.
55. *Илиева Т.* Старобългарско-гръцки словоуказател към Книгата на пророк Иезекиил. София: Кирило-Методиевски научен център – БАН, 2013. (Старобългарският превод на Стария Завет; 3.)
56. Книга на пророк Иезекиил с тълкования / Изд. е подг. от Л. Тасева, М. Йовчева; подбор на гр. текст Т. Илиева. София: Кирило-Методиевски научен център – БАН, 2003. (Старобългарският превод на Стария Завет; 2.)
57. *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae: Braumueller, 1862–1865.
58. *Святой Ефрем Сирин.* Творения. Т. 1. М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993.
59. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrsers. Bd. 1 / Hrsg. von G. Bojkovsky. Freiburg i. Br.: Weiher, 1984. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; XX.)
60. *Попконстантинов К.* Отпечатъци в българската писмена традиция // Звучат ли Письмена: К юбилею Альбины Александровны Мединцевой. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 367–397.
61. *Vajs J.* Rukověť hlholské paleografie: Uvedení do kněžního písma hlholského. Praha: Orbis, 1932.
62. *Wójtowicz M.* Najstarsze datowane inskrypcje słowiańskie: X–XIII wiek. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2005.
63. *Кривко Р.* К прочтению древнеболгарских надписей Крепченского скального монастыря // Diachronie – Ethnos – Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte. Festgabe für Anna Kretschmer. Brno: Tribun EU, 2020. С. 163–184.
64. *Вечерка Р.* Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага: Изд-во Чехословацкой АН, 1963. С. 183–223.
65. *Григорьева А.Д.* К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке // Доклады и сообщения Института русского языка. 1948. Т. 1. С. 127–156.
66. *Топоров В.Н.* Локатив в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
67. *Бауэр Я.* Беспредложный локатив в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага: Изд-во Чехословацкой АН, 1963. С. 263–285.
68. *Гуппиус А.А., Михеев С.М.* “Убийцы великого князя Андрея”: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // Slověne. 2020. 9/2. С. 63–102.
69. *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М.: Университетская типография, 1907. (Переизд.: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.)
70. *Иорданиди С.И., Крысько В.Б.* Множественное число именного склонения. М.: Азбуковник, 2000. (Историческая грамматика древнерусского языка; Т. 1.)
71. Милятино евангелие: Рукопись РНБ, Ф.п.1.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование / Подг. Г.А. Мольков. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018.
72. *Мольков Г.А.* Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI – начала XIII века: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. URL: <https://iling.spb.ru/dissovet/theses/molkov/thesis.pdf>
73. Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I.I. Srezniewskiego / Oprac. I. Dulewicz, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniak. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968.
74. *Крысько В.Б.* Поправки к I–IV томам Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) // Russian Linguistics. 1998. Vol. 22, No. 2. С. 179–213.
75. *Лопушанская С.П., Шептухина Е.М.* Обратный словарь. 3-е изд. М.; Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2002. (Словник-индекс и обратный словарь к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2.)
76. Мерило праведное по рукописи XIV века / Изд. под набл. и со вступ. ст. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
77. *Ribarova Z.* Indexy k Staroslověnskému slovníku. Praha: Slovanský ústav AV ČR; Euroslavica, 2003.

REFERENCES

1. *Lavrent'evskaja letopis'. 1377 g. Elektronnoe predstavlenie rukopisnogo pamjatnika.* [The Laurentian